

В деревне видно, кто ты есть...

Проселочная дорога, бегущая через поля, мимо пролесков, мимо домиков, заброшенных и обжитых, выстроенных умелым мастером и самопально, по принципу «кто во что горазд»... Так живет русская деревня, еще до конца не оправившаяся от потрясений девяностых

Давно говорят, что русская деревня умирает. Вместе с тем я помню, как в те же девяностые родители одной моей приятельницы оставили городскую квартиру и приехали в деревню, на пустое, можно сказать, место. Это были люди старой закалки, дети войны. Глава семейства сказал: «Деревня всегда прокормит». И действительно, деревня выручила. Поставили сруб, засадили огородик, завели овец. Собственно, супруги до сих пор живут в Торжокском районе.

Деревня — это особое место. Земля здесь родная, в самом прямом смысле. Скинешь туфли, шагнешь на прогретую солнцем тропинку — и становишься частью того, что мы обыкновенно называем теплым словом «Родина». И у каждого из нас в подкорке хранится информация об истоках. И поэтому мы, уходя, уходим не навсегда — мы возвращаемся, по крайней мере, душой, сердцем, мыслью летим в сельские просторы из замкнутого пространства городов.

Все сказанное выше мы как-то обсуждали с Максимом Пилюшкиным. К своим тридцати годам он уже сделал неплохую карьеру. Получил юридическое образование, да не в какой-нибудь сомнительной конторе, а в Тверском государственном университете, диплом которого для юриста является серьезной стартовой площадкой. В настоящее время работает заместителем генерального директора торгово-закупочной компании «Тверца», ведет правовую документацию. Казалось

бы, все пути сходятся в городе — в перспективе можно и о Твери подумать, и о Москве. А Максим из Торжка уезжать не собирается, а чтобы разнообразить свои городские будни, устроил маленькое сельскохозяйственное предприятие в масштабах одного деревенского двора.

Деревня, о которой идет речь, носит ласковое имя — Малый Борок (Рудниковское сельское поселение). На подъезде — источник с целительной родниковой водой. Дворов немного. Но по нынешним меркам вид у Борка обжитой.

У калитки встречает смешной криволапый щен — будущая сторожевая овчарка по кличке Соня. От всей собачьей души демонстрирует свою радость и любвеобилие.

Максим открывает клетку и достает огромного серого кролика:

— Это немецкий ризен, кролик-великан. На сегодня эта порода крупнейшая в мире. Самец вырастает до 12 килограммов. Очень плодovitые: от 8 до 14 крольчат в помете. За год одна крольчиха может принести до 70 крольчат.

Ризенов Максим приобрел у профессионального заводчика, в прошлом — сотрудника Тверской сельскохозяйственной академии им. Сахарова, которая, в свою очередь, напрямую работает с Германией.

По соседству с кроликами — птичник. В автоматизированной клетке с капельной поилкой — эстон-

ские и техасские перепела. Через два с половиной месяца после рождения птица начинает нести яйца с периодичностью через день. Куры породы Леггорн, считающиеся самыми высокопродуктивными среди домашних кур средиземноморского происхождения и яичного направления. На одну несушку приходится до 300 яиц в год. Петух Брама — настоящий великан среди куриц. Само название породы невольно наводит на мысль об Индии и индийской реке Брахмапутре. Однако считается, что выведен Брама в Северной Америке, а славится поро-

да своими мясными и декоративными качествами. Цыплята-бройлеры. Цесарки — родственницы фазана и курицы. Их еще называют царскими птицами за отменные вкусовые качества как мяса, так и яиц. И, конечно, гуси! Эти колоритные, разлапистые красавцы, норовящие ущипнуть чужака. Без их дружного гогота в деревне всегда чего-то не достает. Индюшки-бройлеры. Бройлерные пекинские утки...

— В планах у нас завести бычков, — говорит Максим Иванович. — Давно держим пчел, лет семь. В основном для себя. Мед не продаем. В прошлом

году одна пчелосемья давала до 40 килограммов меда. Сейчас три пчелосемьи. Есть желание довести их количество до десяти. Пчелы среднерусские и карпатские. Они наиболее приспособлены к нашим климатическим условиям.

На земельном участке нашлось место и для фруктового сада. Пока он не большой и молодой. Тем не менее вишня, черешня, яблоня, слива, абрикосовые и грушевые деревья, облепиха уже являются хорошей основой для будущих успехов в садоводстве. Ну а хозяин с его тягой к разнообразию планирует расширить список сортовых деревьев.

— Наверное, любовь к земле мне привили родители, — продолжаем мы разговор о русской деревне, о наблевшем, и Максим делится своими размышлениями: — Моих родителей так воспитали их родители. Словом, все из поколения в поколение. Сейчас я уже понимаю, что землю надо ценить. Тем более когда открывается столько возможностей. Главное — успеть их реализовать. Это важно для каждого из нас в отдель-

сти. И для города, и для района. И для развития России. На самом деле, мне часто задают вопрос: «А зачем?» И часто я отвечаю кратко: для продовольственной безопасности семьи. Хочу, чтобы было свое. Ну и для души, конечно. Нравится мне это занятие! Вот и все.

Раньше я очень любила, приехав к тетушке в деревню, пройтись по центральной и единственной деревенской улице со своим кокер-спаниелем. Тут же «просьпались» собаки: «гав!», «тяф!» — переливом несло по пути следования. Так, дружными собачьими аплодисментами, встречали городских гостей. И я никак не могу представить свою жизнь без этой собачьей переключки, без тропинок, которые должны вести к каждому дому, без дыма над деревенскими крышами, без таких мудрых деревенских бабушек, каждая из которых индивидуалистка. Да-да, город многое стирает, стремясь выстроить нас в линейные конструкции. А в деревне сразу видно, кто ты есть и что можешь. И те, кто может, возвращаются...

Екатерина ИВАНОВА

